

УДК 811.112.102.121.1

Кантур К. А.

ЗАКОН ВОСТОКОВА: ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье раскрыты особенности изучения восточнославянского перехода [e] > [o] (называемого законом Востокова) в русском и украинском сравнительно-историческом языкознании XIX в. – 30-х гг. XX в. Автор анализирует взгляды А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, М.А. Колосова, А.И. Соболевского, И.В. Ягича, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и их последователей. Преимущественное внимание уделено шахматовской концепции взаимодействия вокализма и консонантизма в истории восточнославянских языков, в рамках которой переход [e] > [o] рассматривается как одна из V-депалатализаций.

Ключевые слова: закон Востокова, восточнославянский переход [e] > [o], V-депалатализация, лингвоисториографический аспект.

Кантур К. О. Закон Востокова: лінгвоісторіографічний аспект. – Стаття.

У статті розкрито особливості вивчення східнослов'янського переходу [e] > [o] (названого законом Востокова) в російському та українському порівняльно-історичному мовознавстві XIX ст. – 30-х рр. XX ст. Автор аналізує погляди О.Х. Востокова, І.І. Срезневського, О.О. Потебні, М.О. Колосова, О.І. Соболевського, І.В. Ягича, Ф.Ф. Фортунатова, О.О. Шахматова та їх послідовників. Переважну увагу приділено шахматовській концепції взаємодії вокалізму й консонантизму в історії східнослов'янських мов, у межах якої перехід [e] > [o] розглядається як одна з V-депалаталізацій.

Ключові слова: закон Востокова, східнослов'янський перехід [e] > [o], V-депалаталізація, лінгвоісторіографічний аспект.

Kantur K. A. The law of Vostokov: the linguistic and historiographical aspect. – Article.

The article reveals the features of studying East Slavic transition [e] > [o] (referred to as the law Vostokova) in Russian and Ukrainian comparative-historical linguistics of the XIX century – 30s XX century. The author analyzes the views of A.H. Vostokov, I.I. Sreznevsky, A.A. Potebnya, M.A. Kolosov, A.I. Sobolevsky, I.V. Yagitch, F.F. Fortunatov, A.A. Shakhmatov and their followers. Primary attention is given to the concept of interaction Shakhmatov's vocalism and consonant in the history of the East Slavic languages, in which the transition [e] > [o] is considered as one of the V-depalatalizations.

Key words: the law of Vostokov, east slavic [e] > [o] transformation, V-depalatalizations, linguistic and historiographical aspect.

Для сравнительно-исторического языкознания первого периода (20-х – 60-х гг. XIX в.) было характерным стремление искать причины конкретных звуковых изменений в фонетическом окружении. Объяснения фонетических законов были сведены к установлению фонетических условий, при которых они осуществлялись.

Примером может служить определение выдающимся русским языковедом А.Х. Востоковым (большинство лингвоисториографов считает А.Х. Востокова, наряду с немецкими лингвистами Ф. Боппом и Я. Гриммом, датчанином Р. Раском, основоположником сравнительно-исторического метода в европейском и мировом языкознании) фонетических условий восточнославянского перехода [e] > [o] (закон Востокова) [6, 112].

Первым назвал восточнославянский переход [e] > [o] *законом Востокова* Р.Ф. Брандт. Он отметил, что этот закон впервые был сформулирован русским ученым в 1808 г. в книге И.М. Борна «Краткое руководство к российской словесности», где помещены заметки А.Х. Востокова о русском языке [3, 19].

Термин *закон Востокова* получил достаточно широкое распространение, хотя и не стал общепризнанным. Многие русские и украинские языковеды XIX в. – 30-х гг. XX в. обращались к этому закону, исследовали причины и условия перехода [e] > [o] в восточнославянских языках. Однако в лингвоисториографическом аспекте этот вопрос не изучен.

Можно назвать известные работы Ф.П. Филина и М.А. Жовтобрюха [25, 184–202; 15, 264–273]. Однако эти исследования, дающие ценные сведения об истории вопроса, не являются лингвоисториографическими. Из лингвоисториографических исследований следует упомянуть публикации В.А. Глущенко, в которых кратко рассмотрена история изучения восточнославянского перехода [e] > [o] в работах А.А. Шахматова [9; 10]. При этом исследователь, сосредоточившись на концепции А.А. Шахматова, не ставил перед собой цель раскрыть историю исследования восточнославянского перехода [e] > [o] в языкознании XIX в. – 30-х гг. XX в.

Целью статьи является определение особенностей изучения восточнославянского перехода [e] > [o] в русской и украинской компаративистике XIX в. – 30-х гг. XX в.

Эта цель конкретизируется в следующих задачах: 1) раскрыть особенности изучения перехода [e] > [o] в сравнительно-историческом языкознании XIX в. – 30-х гг. XX в.; 2) дать всестороннюю характеристику соответствующих концепций с позиций современной компаративистики; 3) показать принципиальную новизну ряда положений, сохраняющих свою значимость для современной лингвистики и ждущих дальнейшего углубления и развития; 4) раскрыть возможные противоречия концепций языковедов прошлого; 5) проследить судьбу идей компаративистов прошлого в исследованиях лингвистов последующих поколений.

В соответствии с целью и задачами исследования в работе применен актуалистический метод.

Именно Александру Христофоровичу Востокову (1784–1864 гг.) принадлежит заслуга исследования фонетических условий перехода [e] > [o] в восточнославянских языках.

По мнению А.Х. Востокова, фонетическими условиями восточнославянского перехода [e] > [o] являются позиции перед твердыми согласными и в конце слов: рус. *тек* [t'ek] > *тѣк* [t'ok], *мед* [m'ed] > *мѣд* [m'ot], *ее* [jeje] > *еѣ* [jejo], *мое* [m'aje] > *моѣ* [m'ajo] [6, 112].

Переход [e] > [o] исследовал также И.И. Срезневский. Он утверждал: «Место *e* в великорусском, хотя и не во всех говорах, заступает *o* почти всегда, когда на нем должно опираться ударение слова, <...> в малорусском иногда и без этого условия» [24, 45–46]. Для подтверждения этого положения ученый приводил такие примеры: *лѣн, идѣт* («великорус.»), *його, чому* («малорус.») и другие.

Большой фактический материал, связанный с переходом [e] > [o], стал объектом анализа в сравнительно-историческом языкознании второго периода (70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в.).

Причины этого перехода для представителей Харьковской лингвистической школы оставались неизвестными. М.А. Колосов подчеркивал, что разнообразие условий перехода [e] > [o] в южно-великорусском наречии препятствует выявлению общей причины этого перехода [18, 79]. Учитывая эти условия в южно-великорусских говорах, основатель Харьковской школы А.А. Потебня отмечал положение под ударением и «твердость последующего слога» [22, 66].

Возникло предположение, что изменение [e] > [o] было общевосточнославянским процессом. При этом М.А. Колосов считал, что на всей восточнославянской территории переход [e] > [o] осуществлялся как под ударением, так и в безударном положении [18, 81–84]. Напротив, по мнению А.А. Потебни, в южно-великорусском наречии и белорусском языке [e] > [o] только под ударением, а в безударной позиции этого перехода не было (что связано с распространением аканья-яканья [22, 77]).

Точку зрения М.А. Колосова поддержал А.И. Соболевский, считавший, что в древнерусском языке переход [e] > [o] первоначально не зависел от ударения; такая зависимость, свойственная южно-великорусским говорам и белорусскому языку, развилась позднее, после возникновения аканья. В северно-великорусских (окающих) говорах и в настоящее время [o] на месте этимологического [e] возможен не только под ударением, но и в безударной позиции [23, 63].

Были предприняты также попытки хронологизировать такой переход. Так, по мнению А.А. Потебни, «началом» перехода [e] > [o] в северно-великорусских говорах является XIII в. [22, 77].

Последующее изучение вопроса связано с именами И.В. Ягича и основателя Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатова. В их трудах было разработано положение о двух этапах изменения [e] > [o]: вначале после шипящих и [j], а затем – после неисконно мягких согласных. Как отмечали эти ученые, в ранних письменных памятниках случаи перехода [e] > [o] приходится на положение после шипящих и [j]; только позже этот процесс развился после неисконно мягких согласных. И.В. Ягич относил изменение [e] > [o] после «исконно смягченных» к правосточнославянскому языку [36, 37]. Ф.Ф. Фортунатов предполагал, что первый этап изменения осуществился еще в праславянском языке [26, 311–312].

Принципиально новый, системный подход к изучению перехода [e] > [o] предложил ученик Ф.Ф. Фортунатова А.А. Шахматов, «вписавший» это фонологическое изменение в разработанную им концепцию взаимодействия вокализма и консонантизма в истории восточнославянских языков.

Системный подход А.А. Шахматова к единицам фонологического уровня наиболее полно проявился в том, что ученый впервые в языкознании представил развитие вокализма и консонантизма славянских языков как взаимодействие (преимущественное внимание А.А. Шахматов уделит восточнославянским языкам) [9, 9, 21; 11, 165]. В ходе этого взаимодействия осуществлялась передача важнейших признаков от элементов одной подсистемы к элементам другой. Именно системные соображения привели А.А. Шахматова к реконструкции, с одной стороны, параллельных процессов палатализации и лабиализации (лабиовеляризации) согласных, с другой – параллельных процессов V-депалатализации и V-делабиализации [11, 164].

В лингвоисториографическом аспекте эту концепцию исследовал В.А. Глущенко [9]. Результаты представлены в публикациях автора: подробно рассмотрены взгляды А.А. Шахматова на палатализацию согласных в истории восточнославянских языков [8], сжато изложены положения А.А. Шахматова о лабиализации согласных и V-делабиализации [13]. Раскрыта также сущность шахматовской реконструкции восточнославянских V-депалатализаций [11, 157–161].

Как считал А.А. Шахматов, переход «полумягких» согласных в «мягкие», имевший место в правосточнославянском языке, вызвал изменения в вокализме. Возникшие сочетания «мягкий согласный + гласный переднего ряда среднего или нижнего подъема», в отличие от сочетаний «мягкий согласный + гласный переднего ряда верхнего подъема», характеризовались неоднородностью артикуляции составляющих их элементов. Физиологически неоднородные сочетания мягких согласных и гласных переднего ряда в правосточнославянском

языке изменялись. Это стало продолжением праславянской тенденции и дало в принципе те же результаты, а именно изменения в артикуляции гласных неверхнего подъема. Главное отличие этого процесса в правосточнославянском языке от подобного в праславянском заключалось в том, что в правосточнославянском он имел место после «вторично смягченных» согласных [32, 21–23; 33, 571; 31, 16–17; 34, 126].

Допуская взаимодействие гласных переднего ряда с последующими согласными, А.А. Шахматов в различных работах по-разному рассматривал его содержание и результаты. Первоначально А.А. Шахматов предполагал, что такое взаимодействие наблюдалось как перед мягкими, так и перед твердыми согласными. Перед мягкими согласными звуки [e] и [ь] сильный ассимилировались им, приобретая закрытый характер. Звук [ä] в положении перед мягкими согласными сохранялся без изменений, переходя в [a] перед твердыми согласными [34, 34–35, 38, 44–45; 33, 571; 32, 18, 44–45]. Позднее А.А. Шахматов изменил свою точку зрения на возможность правосточнославянского влияния мягких согласных на гласные предшествующего слога. Переход [e] в [ĕ] предполагается им для «восточнорусского» и «севернорусского» наречий [34, 345]. Звук [ä], по новому мнению А.А. Шахматова, в любом положении переходил в правосточнославянском в [a] [34, 117–119].

Перед твердыми согласными, как считал А.А. Шахматов, гласные [e] и [ь] сильный подвергались воздействию со стороны как предшествующих, так и последующих согласных, диссимилируясь с первыми и ассимилируясь вторым. В результате [e] > [ö] (лабиализованный гласный переднего ряда), [ь] > лабиализованный [ь] или «[ü] иррациональный» ([u] переднего ряда) [32, 35; 33, 44–45; 33, 571; 34, 18, 134].

Рассматриваемая концепция в ее основных моментах была принята другими учеными Московской школы [11, 91–93, 158–162].

У А.А. Шахматова фактически речь идет о перераспределении тембра между гласными и согласными в пределах слога, о передаче высокого тембра гласных предшествующим согласным. Результатом этого процесса явилось усиление степени палатализованности согласных, сопровождаемое депалатализацией последующих гласных переднего ряда, то есть их переходом в задний ряд [8, 13].

Положение о передаче высокого тембра гласных переднего ряда предшествующим согласным, имевшей место в истории ряда славянских языков, получило широкое распространение в славянском сравнительно-историческом языкознании. Перераспределением тембра между гласными и согласными историки славянских языков объясня-

ют не только восточнославянские переогласовки [e] > [o], [e] > [a], [ĕ] > [a], но и польские [e] > [o], [ĕ] > [a], [ĕ] > [ɔ], кашубскую и полабскую переогласовку [ĕ] > [a], чешскую и словацкую [ĕ] > [a], верхне- и нижнелужицкую [e] > [o], восточноболгарскую [ĕ] > [a] (Н. ван Вейк, Ф.В. Мареш, А. Фурдаль, В.К. Журавлев, В.Н. Чекман и другие).

С возникновением исторической фонологии стало возможным связать переогласовку гласных переднего ряда в славянских языках с появлением в них мягких (палатализованных) согласных фонем, то есть со становлением корреляции согласных по твердости/мягкости, возникшей после падения редуцированных (хотя сама эта связь рассматривается по-разному) [31, 19–20; 35, 31, 52–55; 33, 131–132].

В работах А.А. Шахматова получило развитие положение И.В. Ягича и Ф.Ф. Фортунатова о двух этапах изменения [e] > [o] (о чем говорилось выше). Вслед за Ф.Ф. Фортунатовым и в отличие от И.В. Ягича, относившего изменение [e] > [o] после «исконно смягченных» к правосточнославянскому языку, А.А. Шахматов предполагал, что первый этап изменения осуществился еще в праславянском языке, причем лабиализации подвергались звуки [e] и [ь], переходя в [ö] и лабиализованный [ь] (или [ü]) – лабиализованные гласные переднего ряда.

По мнению А.А. Шахматова, изменение [e] в [ö] и [ь] в лабиализованный [ь] в правосточнославянском языке отличалось от подобного процесса в праславянском не только тем, что оно имело место после «вторично смягченных» согласных, но и самими условиями, в которых осуществлялся рассматриваемый переход. Следуя за Ф.Ф. Фортунатовым [26, 172–176], А.А. Шахматов предполагал, что в праславянском [e] > [ö], [ь] > лабиализованный [ь] в положении не перед слогом с гласным переднего ряда, так как перед слогом с гласным переднего ряда не могла осуществляться диссимиляция звуков [e], [ь] с предшествующими мягкими согласными, являвшаяся причиной указанных изменений.

Таким образом, в праславянском языке такое изменение наблюдалось не только в положении перед твердыми согласными (**žōna*), но и в абсолютном конце слова (**dušō* – звательный падеж единственного числа от существительного **duša*) [32, 18; 33, 13–15, 32, 35–37; 34, 8–9].

В правосточнославянском языке переход [e] в [ö] и [ь] в лабиализованный [ь] был обусловлен не только диссимиляцией звуков [e] и [ь] с предшествующими мягкими согласными, но и воздействием твердых согласных последующего слога, которые, по мнению А.А. Шахматова, были лабиализованными. Поэтому в конечном открытом слоге на месте [e] находился не звук [ö], как в праславянском, а гласный [ä] (лабиализация не

осуществлялась). При этом ученый считал, что рассматриваемый процесс имел место как в ударных, так и в безударных слогах (подобное мнение до А.А. Шахматова высказывали М.А. Колосов и А.И. Соболевский, о чем упоминалось ранее).

Необходимо подчеркнуть, что изменение [e] > [ö] после «вторично смягченных» согласных А.А. Шахматов считал православнославянским процессом, осуществившимся и в говорах – предках украинского языка, о чем, по мнению ученого, свидетельствует наличие в части украинских говоров лабиализованных рефлексов удлинившегося [e] в новых закрытых слогах после «вторично смягченных» перед твердыми согласными (северноукр. *тютка, люод* и так далее) [34, 135–136].

А.А. Шахматов предполагал, что праславянские звуки переднего ряда [ö] и [ь] (употреблявшиеся после «исконно смягченных» согласных) в православнославянском языке перешли в гласные среднего ряда [o] и [ъ] ([ъ], по мнению ученого, в православнославянском языке был лабиализованным гласным). Последующая история звуков [ö], [ь], [o], [ъ] в отдельных восточнославянских языках представлялась А.А. Шахматову в виде их изменения в [o] (в русском и белорусском языках) или в [o] и [e] (в украинском языке [o] и [ъ] перешли в [o], [ö] и [ь] – в [e], перед которым согласные отвердели; исключения объясняются аналогией).

В концепции А.А. Шахматова принципиально новым и важным является выяснение причин рассматриваемого явления. До выхода работ ученого «внутренняя пружина» лабиализации [e] оставалась скрытой. При этом фонетически закономерным считался переход [e] в [o] не только перед твердым согласным, но и в конечном открытом слоге [33, 77; 34, 59–62].

А.А. Шахматов, как указывалось, объяснял переход [e] в [ö] и [ь] в лабиализованный [ь] в православнославянском языке взаимодействием двух языковых процессов: «диссимилиации» [e] и [ь] с предшествующими мягкими согласными и «ассимиляции» последующим твердым (лабиализованным). Однако взгляды А.А. Шахматова на рассматриваемое явление истолковываются лингвистами односторонне: ученому приписывается объяснение механизма изменения [e] > [o] влиянием последующих твердых (лабиализованных) согласных [34, 71–72]. Между тем А.А. Шахматов считал переход [e] > [ö] в православнославянском языке раннего периода «в основаниях своих процессом диссимилиационным», при котором для лабиализации [e] «требовалось еще сопутствующее условие – положение его перед лабиализованной согласной» [33, 136].

Положение о восточнославянском переходе [e] в [o] как V-депалатализации также получило отражение в языкознании. В пользу этой точки зрения приводятся следующие аргументы. В русском и

белорусском языках наличие [o] на месте этимологического [e] в конце слов обычно объясняется аналогией. Так, в белорусских местоимениях *усё, маё, чыё* появление конечного [o] объясняют влиянием местоимений *яно, само*. Однако в белорусском языке есть формы глаголов 2 лица множественного числа типа *ідзяць, несяць*, в которых [o] не мог появиться по аналогии. Как показывают типологические исследования (показателен, например, переход [e] в [a] в румынском языке), V-депалатализации не осуществляются, если за гласными переднего ряда следуют мягкие согласные. Последующие твердые согласные, как и нуль звука в конце слов, не препятствуют депалатализации гласных переднего ряда. Таким образом, влияние последующих лабиализованных согласных не является причиной перехода [e] в [o] в восточнославянских языках [34, 71–77].

В плане изучения механизма изменения [e] > [o] большой интерес представляет положение Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова об обязательной стадии [ö] в процессе этого изменения. Такое положение получило признание в ряде исследований, однако никто из лингвистов не привел дополнительных аргументов в его пользу. Большинство ученых не реконструирует промежуточный звук [ö] в процессе перехода [e] в [o]. Трактовка этого перехода как одной из V-депалатализаций заключается в признании того, что главным в рассматриваемом процессе был переход гласного переднего ряда в задний ряд, что сопровождалось округлением губ, то есть лабиализацией гласного [2, 277].

Предположение о двух этапах изменения [e] в [o] (в том виде, в каком его высказал И.В. Ягич) получило распространение в работах ряда исследователей [13, 168–169; 29, 116; 25, 188–191, 200–201; 15, 268]. Оно основано на неодновременности отражения в древних памятниках перехода [e] в [o] после шипящих и [j], с одной стороны, и после прочих мягких – с другой, а также на наличии в украинском языке [o] на месте [e] преимущественно после шипящих и [j].

Однако существует и другая точка зрения (высказанная еще М.А. Колосовым и А.И. Соболевским): изменение [e] > [o] в восточнославянских языках осуществилось одновременно после всех мягких согласных [16, 156; 2, 278; 5, 129–130]. Как и другие депалатализации гласных переднего ряда, переход [e] в [o] осуществлялся после падения редуцированных и был связан со становлением корреляции согласных по твердости/мягкости. В этот период все представленные в восточнославянских языках палатальные согласные (кроме [j]) стали палатализованными.

Необходимо отметить, что все переогласовки (депалатализации) гласных переднего ряда проходят

обычно не после палатальных, а после палатализованных согласных [27, 33; 28, 61–97]. С типологической точки зрения не ясно, почему переход [e] в [o] должен был осуществиться первоначально после шипящих и [j], а затем после других мягких (палатализованных) согласных. Изменение [e] > [o] было связано с отодвижением гласного в более заднюю зону образования и означало важное изменение во всей системе языка, так как создавало возможность появления слога новой структуры (мягкий согласный + гласный заднего ряда). Такое изменение должно было затронуть [e], находящийся после мягкого согласного любого происхождения [12, 97–98]. То обстоятельство, что [o] на месте этимологического e после шипящих представлен в памятниках с конца XII в., а после других мягких – с XIV в., объясняется значительными трудностями письменной передачи [o] после мягких нешипящих.

Как уже отмечалось, интерпретация изменения [e] > [o] как одной из V-депалатализаций приводит к выводу, что это изменение могло возникнуть только после падения редуцированных. К такому же выводу приходят исследователи, объясняющие [e] > [o] лабиализующим воздействием последующих твердых согласных: лабиализация e не могла осуществиться до возникновения закрытых слогов, явившихся следствием падения редуцированных [16, 155–156]. Всё это не позволяет присоединиться к представленному в некоторых работах положению о том, что изменение [e] > [o] началось до падения редуцированных гласных [25, 187–188, 200–201; 15, 268].

Следовательно, не получает подтверждения и гипотеза А.А. Шахматова, согласно которой рассматриваемое явление осуществлялось в правосточнославянском языке раннего периода.

Принципиальной новизной концепции А.А. Шахматова стало то, что он рассматривал восточнославянский переход [e] в [o] в контексте подобных изменений, имевших место в истории других славянских языков. Однако точка зрения ученого о том, что после «исконно смягченных» согласных изменение [e] > [o] осуществилось еще в праславянском языке, не может быть принята. На относительную хронологию этого процесса мы уже указывали. Переход [e] в [o] осуществлялся независимо в отдельных славянских языках (правосточнославянском языке позднего периода, польском и кашубском, верхне- и нижнелужицком) [15, 131; 16, 35–39]. В хронологизации процесса [e] > [o] сказалось свойственное

А.А. Шахматову стремление к архаизации фонетических явлений.

Выдвинутое А.А. Шахматовым положение о том, что изменение [e] > [o] ([ö]) после «вторично смягченных» согласных было правосточнославянским явлением, и что в украинском языке в связи с отвердением «вторично смягченных» перед [o] ([ö]) осуществилась делабиализация [o] ([ö]) > [e], получило признание в работах ряда лингвистов [13, 159–160; 2, 278]. В подтверждение этой точки зрения приводится следующий аргумент В.И. Борковского: «Отвердение [n'] в *п'ово* должно было привести к делабиализации гласного, так как в период действия указанного процесса гласные [e] и [o] после мягкого согласного являлись вариантами одной фонемы. Таким образом, одновременно с отвердением согласного гласный [o] автоматически изменялся в [e]» [2, 278].

В этом объяснении нуждаются в доказательствах и положение об отвердении мягких согласных перед [o], и тезис о переходе [o] > [e] вследствие такого отвердения. Однако таких доказательств нет. Языкознание не располагает данными, которые позволяли бы считать, что в украинском языке имело место отвердение согласных перед [o]. Поэтому предположение о том, что в южных диалектах правосточнославянского языка позднего периода наблюдалось изменение [e] > [o] > [e], является произвольным [25, 187; 15, 267]. Наличие лабиализованных рефлексов удлинившегося e в новых закрытых слогах в говорах украинского языка может быть объяснено дифтонгизацией [e̅] и изменением [e] > [o] перед твердыми согласными после [i] неслогового, что для украинского языка является фонетически закономерным [20, 133].

Перехода [e] > [o] > [e] не было и в некоторых других диалектах правосточнославянского языка позднего периода (либо в диалектах формирующихся русского и белорусского языков). Наличие [e] после мягких согласных перед твердыми в части южновеликорусских и средневеликорусских говоров (а в безударном положении – и в ряде северновеликорусских), в говорах юга и юго-запада Белоруссии следует объяснить не делабиализацией [o] > [e], а отсутствием изменения [e] > [o], которое, таким образом, не было правосточнославянским [25, 194–202].

Перспективы дальнейших исследований мы усматриваем в углубленном изучении других исторических фонетических законов в европейском языкознании XIX в. – 30-х гг. XX в.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С.Б. Бернштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 350 с.
2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.
3. Брандт Р.Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. Фонетика / Р.Ф. Брандт. – М. : Университетская типография, 1892. – 146 с.

4. Брандт Р.Ф. Рецензия на книгу А.А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики» (Варшава, 1893 г.) / Р.Ф. Брандт // Этнографическое обозрение. – 1895. – Вып. 1. – Кн. XXIV. – С. 140–143.
5. Будде Е.Ф. Лекции по истории русского языка. 1906–1907 академический год / Е.Ф. Будде. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1907. – 253 с.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная / А.Х. Востоков. – 12-е изд. – СПб. : Изд-во книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1874. – 216 с.
7. Глущенко В.А. А.А. Шахматов и проблемы русской исторической фонетики / В.А. Глущенко // Филологические науки. – 1987. – № 3. – С. 38–45.
8. Глущенко В.А. А.А. Шахматов о палатализации и депалатализации согласных в истории восточнославянских языков / В.А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : науч.-метод. сб. / отв. ред. В.А. Глущенко. – Славянск : СГПУ, 2003. – Вып. XI. – Ч. 1. – С. 3–25.
9. Глущенко В.А. А.А. Шахматов о переогласовке гласных переднего ряда в истории восточнославянских языков / В.А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : науч.-метод. сб. / отв. ред. В.А. Глущенко. – Славянск : СГПУ, 2004. – Вып. XII. – С. 3–32.
10. Глущенко В.А. О.О. Шахматов про взаємодію вокалізму і консонантизму в історії східнослов'янських мов / В.А. Глущенко // Вісник Слов'янського державного педагогічного університету : зб. наук. праць / відп. ред. В.І. Рукасов. – Слов'янськ : СДПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 113–125.
11. Глущенко В.А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-ті рр. XIX ст. – 20-ті рр. XX ст.) / В.А. Глущенко // Вісник Донецького національного університету / відп. ред. О.Б. Ткаченко. – Донецьк : ДонНУ, 1998. – С. 217–222.
12. Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии) / К.В. Горшкова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1968. – 192 с.
13. Дурново Н.Н. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1907–1908 академического года в Московском университете / Н.Н. Дурново. – Литограф. изд. – М. : Московский ун-т, 1907–1908. – 208 с.
14. Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка / Н.Н. Дурново. – М. ; Л. : Госиздат, 1924. – 376 с.
15. Жовтобрюх М.А. Історія української мови: фонетика / М.А. Жовтобрюх, В.М. Русанівський, В.Г. Складенко. – К. : Наукова думка, 1979. – 367 с.
16. Калнынь Л.Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке / Л.Э. Калнынь // Ученые записки Института славяноведения. – 1956. – Т. 13. – С. 121–225.
17. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка : [учеб. пособие для вузов] / В.В. Колесов. – М. : Высшая школа, 1980. – 215 с.
18. Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка / М.А. Колосов. – Варшава, 1878. – 270 с.
19. Мартынов В.В. Славянская и индоевропейская аккомодация / В.В. Мартынов. – Минск : Наука и техника, 1968. – 182 с.
20. Наконечный М.Ф. До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови / М.Ф. Наконечний // Питання історичного розвитку української мови. – Х. : Вид-во Харківського ун-ту, 1962. – С. 125–165.
21. Нахтигал Р. Славянские языки / Р. Нахтигал. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – 342 с.
22. Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. О полногласии. О звуковых особенностях русских наречий / А.А. Потебня. – Воронеж : Типография Гольдштейна, 1866. – 156 с.
23. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – 4-е изд. – М. : Университетская типография, 1907. – 309 с.
24. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 200 с.
25. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк / Ф.П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 655 с.
26. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков : краткий очерк / Ф.Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды : в 2 т. / Ф.Ф. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1956–. – Т. 1. – 1956. – С. 199–450.
27. Чекман В.Н. Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке / В.Н. Чекман. – Минск : Наука и техника, 1973. – 47 с.
28. Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: типология и реконструкция / В.Н. Чекман. – Минск : Наука и техника, 1979. – 216 с.
29. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка: краткий очерк / П.Я. Черных. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1954. – 336 с.
30. Чэжман В.М. Гісторыя праціпастаўленняў па цвёрдасці – мяккасці ў беларускай мове / В.М. Чэжман. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 152 с.
31. Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики / А.А. Шахматов. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1893. – 317 с.
32. Шахматов А.А. К истории звуков русского языка: смягченные согласные / А.А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности. – 1901. – Т. 67. – № 7. – С. 38–49.
33. Шахматов А.А. Курс истории русского языка (читан в Санкт-Петербургском университете в 1909–1910 учебном году): очерк истории звуков русского языка / А.А. Шахматов. – Литограф. изд. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т, 1909–1910. – Ч. 2. – 797 с.
34. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. – 1915. – Вып. 11. – С. 300–374.
35. Шахматов А.А. Русский язык / А.А. Шахматов // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907. – Т. 28. – 1899. – С. 564–581.
36. Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка / И.В. Ягич // Сборник Отделения русского языка и словесности. – 1889. – Т. 46. – № 4. – С. 165–171.